

Отзыв официального оппонента

о диссертации Екатерины Михайловны Болтуновой «Царство Польское в составе Российской империи (1815–1831 гг.): стратегии управления и практики признания субъектности», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности

5.6.1. Отечественная история

В настоящее время в Сенаторском зале восстановленного Королевского замка в Варшаве нет ничего, чтобы напоминало о событии 12 (24) мая 1829 г. — коронации, или, как тогда говорили, короновании Николая I польским королем.

И это забвение не случайно.

Вспоминается картина «Стефан Баторий под Псковом» Яна Матейко (1872), экспонируемая в том же королевском замке с изображением эпизода «Баториевой» войны (1579–1582) — посольства царя Ивана IV Грозного к королю польскому и великому князю литовскому Стефану Баторию с просьбой о мире. На самом деле переговоры велись в других местах, а договор был заключен в деревне недалеко от села Яма Запольного, вошедшего в историографию под названием Ям Запольский. Униженных и коленопреклоненных русских послов с дарами под стенами Пскова, защитники которого в 1581 г. наоборот, успешно отразили штурм города, конечно же, не было. Но эта картина в стенах королевского замка интерпретируется на экскурсиях для польских школьников как «москвиты», приносящие дары Стефану Баторию под Псковом.

Одновременно вспоминается и другая картина в Третьяковской галерее кисти художника Кабинета Его Императорского Величества Карла Брюллова «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году» (1839–1843). Николай I заказал художнику эту картину в жанре народной эпопеи. Был выбран сюжет, на котором священники, поднявшие над головой иконы, и простые горожане, взявшие в руки оружие, вышвыривают захватчиков из пролома, образовавшегося в результате подрыва противником крепостной стены. Для большей наглядности в Красном Селе для Карла Брюллова были даже устроены взрывы специально возведенных для этой цели укреплений, но художник не вдохновился, картина осталась неоконченной.

Так с разных сторон интерпретируется один и тот же исторический сюжет с выстраиванием своей национальной версии исторического события. В шестой главе Екатерина Михайловна приводит аналогичные аллюзии, сформировавшиеся вокруг событий первой половине XVII столетия. В Польше эта парадигма была выстроена вокруг двух исторических персонажей-антагонистов, из которых один — польский король Сигизмунд III — выступал в роли героя и триумфатора, а второй — московский царь Василий Шуйский — в роли поверженного и униженного врага (Дисс. С. 413)

Так по-разному формируется историческая память, связанная с болезненными моментами национального восприятия прошлых эпох, которые долгое время по разным причинам, в том числе и из-за разных идеологических установок замалчивались.

Диссертанту нужно было иметь мужество, чтобы обратиться к русско-польским отношениям временного отрезка *хронологические рамки* которых охватывают преимущественно период, ограниченный завершением Наполеоновских войн и Польским восстанием 1830–1831 гг. Решения Венского конгресса 1815 г. были по сути четвертым разделом Польши, от которой остался только кусочек формально независимой Польши в узких рамках Краковской республики, просуществовавшей до 1846 г. Между прочим,

это исключало Краков как место коронации в 1829 г. Естественно изложение материала дается на более широком историческом фоне, начиная с эпохи разделов Речи Посполитой. Но кульминацией исследования является именно изучение и осмысление коронации русского императора как польского короля, сюжет, который долго оставался в тени исследовательского интереса.

Актуальность избранной темы, тем более в контексте современного цивилизационного противостояния между Западом, включая Польшу, и современной Россией, не вызывает сомнений. Но это не конъюнктура, так как соискатель на протяжении длительного времени занимается этой тематикой, а изложение лишено идеологизации и носит характер беспристрастного научного изложения, основанного на фактах

Касаясь болезненных аспектов польского вопроса, Екатерина Михайловна справедливо большое внимание уделила разработке и применению различных *методов исторического исследования*, используя, цитирую, «классический источниковедческий подход к материалам исследования, основанный на понимании специфики разных групп источников, стремлении к верификации полученной информации» и «семиотический метод работы с историческими источниками». Вместе с тем видовое многообразие источников, как замечает она, «предопределило обращение к методам и подходам, выходящим за рамки традиционных установок, используемых в академических работах исторического профиля». В частности, в отношении сценария власти по отношению к Польше, использованы методы анализа, предложенные в работах Р. Уортмана. Используются практики и таких направлений как история памяти и история эмоций. Фактически использован и метод имагологии.

Во введении четко поставлены цель и определены ключевые *задачи исследования*. Их достижение стало возможным благодаря обширной и репрезентативной *источниковой базе*, которую составили различные виды письменных источников: законодательные, актовые, делопроизводственные документы, периодика, источники личного происхождения, исторические

труды прошлых лет, современная эпохе художественная литература и публицистика. А также изобразительные, или иначе визуальные и источники. Привлекались также источники, как пишет Екатерина Михайловна, «выходящие за рамки традиционных установок, используемых в академических работах исторического профиля», как например оперные либретто. Отчасти из других типов источников — музейные предметы, в частности, медали (фалеристика).

Законодательные источники, это, прежде всего, Первое и Второе собрания «Полного собрания законов Российской империи». Ценным является введение в научный оборот Манифеста Александра I о создании Царства Польского от 13 (25) мая 1815 г., воспроизведенного в приложении № 3. Особое значение для реконструкции контекста эпохи имел манифест Николая I при восшествии на престол, распространенный на Царство Польское, в котором император присягнул польской конституции. По сути, этот документ вводится в широкий научный оборот впервые» (Дисс. С. 28). В принципе было известно, что при вступлении Николая I на престол отдельный манифест был подготовлен для Царства Польского, который не вошел в «Полное собрание законов Российской империи». После публикации в новом переводе в 2013 г. под ред. М. В. Сидоровой и М. Н. Силаевой дневников великого князя Николая Павловича перед исследователями встал вопрос об упоминаемом им некоем втором манифесте о восшествии на престол. Известно, что вслед за Н. М. Карамзиным вечером 10 (22) декабря оба манифеста взялся подготовить М. М. Сперанский и 12 декабря они были в основном готовы. Но, польский манифест, вероятно, по юридическим и другим соображениям не был опубликован в «Полном собрании законов Российской империи». Как отметила Екатерина Михайловна в своей монографии 2022 г., текст манифеста для Польши был воспроизведен в приложении к мемуарам Михаила Огинского (автора полонеза Огинского), вышедших в Париже в 1827 г. переведенных на русский язык при публикации в 2015 г. (Т. 2. С. 426). Но он остался незамеченным.

Также осталась незамеченной и цитата из этого манифеста в «Истории XIX века» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и Рамбо. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1938. С. 293).

Широко представлены *актовые* источники, хотя они отдельно не выделены. В частности, документы из соответствующего тома серийного издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века» за период 1801–1815 гг.; документы из сборника «М. И. Кутузов», «Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии», рапорты наместника Царства Польского, прошения поляков из архива Н. Н. Новосильцова, записки агента, приставленного к цесаревичу во время приезда его в С.-Петербург зимой 1826 г., отложившиеся в фонде Третьего отделения СЕИВ канцелярии и др. (Дисс. С. 252).

Отдельно выделены примыкающие к *актовым* источникам *делопроизводственные документы*, в том числе официальная переписка.

Широко использована *периодика* (10 русских изданий и 4 издания Царства Польского) и *источники личного происхождения*, включая личную переписку Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича, письма, дневники и воспоминания их приближенных и вообще русских и польских современников

Публицистика и *художественная литература* представлены текстами публичных речей Александра I и Николая I в польском сейме, речами Николая I, адресованными полякам после подавления восстания, текстами Адама Мицкевича, Н. М. Карамзина, некоторыми произведениями К. Ф. Рылеева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова и др. Привлечены *исторические труды предшествующего периода*, содержащие оценку событий Смутного времени (В.Н. Татищев, М. Щербатов, П.-Ш. Левек и Н.М. Карамзин).

Одним из видов источников, изученных в процессе работы, явились, как они названы, «визуальные материалы» то есть, *изобразительные источники*, в том числе картины, рисунки, карикатуры и т. д. В частности, проанализирована единственная картина, иллюстрирующая собственно коронационное действо в Варшаве — незаконченное полотно «Коронация императрицы и королевы Александры Николаем I» в Национальном музее в Варшаве, возможно кисти Антония Бродовского (Дисс. С. 402). Были использованы также и два неатрибутированных портрета из запасников Национального музея в Варшаве и Музея Войска польского.

Значительную часть источниковой базы составили перечисленные виды источников, отложившиеся в 9 архивохранилищах России, Польши и Финляндии. Во-первых, — это российские федеральные и государственные архивы: *ГА РФ, РГИА, РГВИА, ГАПО* (Государственный архив Псковской области). Во-вторых, — два архива Польши и Финляндии: *Варшавский Центральный архив древних актов* (Archiwum Główne Akt Dawnych, AGAD); *Национальный архив Финляндии* в Хельсинки (Kansallisarkisto). В-третьих, — ведомственные архивы: *Отдел рукописей РНБ; Архив Польской академии наук в Варшаве* (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie), *Библиотека кн. Чарторыйских в Кракове* (Biblioteka Książąt Czartoryskich). Всего было привлечено 46 фондов и коллекций, включающих несколько сот архивных дел.

В результате архивных штудий впервые в российской историографии были введены в научный оборот многие документы, представляющие интерес для понимания межгосударственных российско-польских отношений. Ведь Польша тогда юридически не была интегрирована в Россию, так как их территории в рассматриваемый период были соединены только династической унией. В частности, комплекс документов, освещающих вопросы денежной политики, проводимой в Царстве Польском.

Во введении кроме обзора источников дается *анализ историографии* проблемы. Она разделена на три больших группы: 1) анализ русско-польских

отношений рассматриваемого периода в целом; 2) работы, посвященные непосредственно коронации Николая I в Варшаве в 1829 г., и 3) «историография процессов формирования памяти в первой четверти XIX в.» (С. 8–25).

Автор вполне ориентируется как в дореволюционной и советской историографии, так и современных исследованиях (Т. В. Андреева, А. В. Ващенко, Л. Е. Горизонтов, О. С. Каштанова, О. А. Любезников, Людмила Марней, А. И. Миллер, А. В. Морохин, С. В. Мироненко, Б. В. Носов, Е. А. Правилова, Надежда Сабадаш, Светлана Фалькович, Н. М. Филатова, К. С. Чернов, Ольга Эдельман и др.).

Была проанализирована и использована основная зарубежная литература, прежде всего, польская.

Новизна исследования определяется рядом аспектов. Прежде всего впервые в историографии проведен комплексный анализ политики Российской империи в отношении Царства Польского в первой трети XIX в. До настоящего момента субъектное в политическом отношении положение польских земель в составе империи определялось вне предметного рассмотрения установок и действий российских властей.

Четко сформулированные *объект, предмет, цель и задачи исследования* позволили логично структурировать материал в семи главах диссертации.

В первой главе «Александр I и формирование новой политической стратегии в Царстве Польском после Отечественной войны 1812 г.» Екатерина Михайловна справедливо отмечает два обстоятельства, которые объективно прямо или косвенно влияли на политику Российской империи в отношении провозглашенного волей Александра I Царства Польского. Во-первых, его политические установки на возможность восстановления в сфере русского влияния Польши с включением западных губерний, во-вторых — общественная память о событиях 1812 г. и активном участии поляков в войне

против России на стороне Наполеона. Возможно, цифра в 120 тыс. поляков, заимствованная из литературы, является немного преувеличенной, но несомненно, что после французов и разнообразных немцев, именно поляки были третьим по численности этническим компонентом Великой армии. Как отмечает историк Е. В. Анисимов, «внутри русско-французского вооруженного конфликта завязалась ожесточенная русско-польская война» (Анисимов Е. В. Багратион. М., 2009. С. 444). Не случайно в воззвание Наполеона за два дня до перехода через Неман начиналась словами: «Воины! Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридланде и в Тильзите». Как отметила Екатерина Михайловна в польской историографии это и называется Второй Польской войной.

Известно, что в первые недели войны войска Наполеона пополнились 19 тыс. перешедших на сторону врага жителями «литовских», как тогда назывались губернии Северо-западного края России. Жители этих губерний, в отличие от поляков Великого герцогства Варшавского, были принявшими присягу российскими подданными (Дисс. С. 54). Но верно и другое заключение Екатерины Михайловны, что «на востоке Литвы и в Белоруссии рекрутировать какую-либо существенную организованную группу поддержки не удалось, что вызвало явное недовольство Бонапарта. Население юго-запада империи также осталось в массе своей лояльным империи» (Там же). В 1816 г. великий князь Николай Павлович побывав в Витебской губернии, записал в «Общем журнале по гражданской и промышленной части»: «В Белоруссии дворянство почти всё из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону» (Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. М., 1997. Кн. 1. С. 65–66). Да, поляки были и в русской армии. Но, диссертант, приведя статистику численности поляков в составе противоборствующих армий, справедливо замечает, что соотношение поляков в Великой армии и русской армии было диспропорциональным. Как

известно, Александр I распространил амнистию для поляков и на поляков из российских поданных, а в предписании к военачальникам был отдан приказ «обращаться с поляками, как с братьями и друзьями» (Дисс. С. 71).

Подробно рассмотрен сюжет, связанный с принятием и обнародованием польской Конституционной хартией между датой подписания ее императором 5 (27) ноября 1815 г. и объявлением ее через месяц 12 (24) декабря 1815 г. (Дисс. С. 98). Особенное внимание уделено вопросу о финансовой автономии Царства Польского, в частности, право на выпуск собственной валюты (злѳтых).

Во *второй главе* «Формы политической субъектности Царства Польского (1815–1825 гг.)» подробно рассмотрены вопросы статуса Царства Польского и польских поданных. В связи с тем, что в правовом контексте до конца XIX в. статус государств, находящихся в унии, в европейском законодательстве не был разработан, многие юридические вопросы, как показывает Екатерина Михайловна, приходилось решать де-факто. В диссертации обоснованно делается вывод о трех этапах оформления польских земель в титуле российских императоров — екатерининский, павловский и, наконец, alexандровский, когда в титуле появилось указание на особую, чрезвычайно высокую по статусу территорию — Царство Польское. (Дисс. С. 151). Оригинальны рассуждения Екатерины Михайловны об Александровской версии памяти о войне 1812 г.

В *третьей главе* «Политика Николая I в Царстве Польском в 1825–1829 гг.» Екатерина Михайловна отмечает, что первые месяцы правления императора Николая были отмечены несколькими декларациям, продолжившими стратегию Александра I в отношении Польши. Впервые подробно анализируется церемония символических похорон Александра I в Варшаве. Новые акценты были сделаны при анализе действий цесаревича Константина Павловича, как политического актора и предложенного Николаем I нового образа власти, как нарратива «дружества». Интересно

заклучение Екатерины Михайловны, что несмотря подчас на издевательские высказывания цесаревича по отношению к комедии выборов, Константин Павлович «неизменно подчеркивал свой статус, присутствуя на сеймах 1818, 1820 и 1825 гг. и активно апеллировал к польской конституции» (Дисс. С. 248). Важно также замечание, что территории Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской губерний, а также Белостокской области именовались в документах «присоединенными от Польши губерниями», но также и «губерниями, состоящими под надзором Его Императорского Высочества Цесаревича» (Дисс. С. 241). Показана разнонаправленность подходов Николая I и цесаревича Константина в вопросе о войне с Турцией 1828–1829 гг., что нашло отражение в неучастии в ней польской армии, хотя Николай I первоначально считал это желательным для укрепления союзных уз (Дис. С. 255 и др.)

Четвертая и пятая главы являются ключевыми. В *четвертой главе* дан анализ подготовки коронации Николая I как польского короля. Как замечает Екатерина Михайловна, к марту 1829 г. несмотря на колебания и противоречивые чувства, «Николай нашел, как ему казалось, выход из сложившегося эмоционального тупика: нараставшее внутреннее противоречие было стабилизировано апелляциями к чувству долга» (Дисс. С. 281). Да, Николай Павлович был человеком долга и законником! Отказаться от выполнения одного из условий конституционной хартии 1815 г. он не мог. Его психотипом был титан Эпиметей, который в отличие от брата Прометея выполнил волю отца взяв в жены красавицу Пандорру, а что из этого вышло, всем хорошо известно. Но так он выполнил свой сыновий долг. Аналогично Николай должен был выполнить предписание старшего брата Александра. Следование законам отвечало и установкам политики просвещенного абсолютизма, характерного в этот период для Николая I, который подчеркивал, что в отношении Польши он выполнял роль конституционного монарха.

Причем, как тонко заметила Екатерина Михайловна, было принято решение перед церемонией благословить корону императрицы Анны Иоановны в католическом соборе Св. Яна и дополнительно реализована особая передача короны польским представителям на границе Царства Польского. Тем самым, «император санкционировал проведение нескольких церемоний для “превращения” русской короны в по-настоящему польскую...» (Дисс. С. 304), а главным символом церемонии стало возложение на императрицу и польскую королеву Александру Федоровну польского ордена Белого Орла (Дисс. С. 304–305)

В *пятой главе* подробно описан ритуал коронования. С выводами Екатерины Михайловны должно согласиться. Важное обстоятельство, вероятно, впервые так подробно проанализированное, Николай I, в сущности, провел все расходы по коронации по линии российского казначейства (Дисс. С. 347). Кроме того, «информация о проведенной церемонии распространялась в Царстве Польском и Российской империи в рамках независимых друг от друга установок» (Дисс. С. 374). Подробно рассмотрен эпизод с доставкой турецких пушек из-под Варны к Варшаву, но они не стали знаком исторической общности в память Владислава III. Эти пушки потом стреляли по русским во время восстания (Дисс. С. 388–390).

В *шестой главе* «Забвение как политическая стратегия: пространство николаевской коронации и память о русско-польских столкновениях начала XVII в.» анализируется борьба за память о Смуте. Отдельно рассмотрена проблема общественного восприятия Смутного времени в России первой трети XIX в.

В *седьмой главе* «Итоги коронации» рассматриваются результаты и оценки коронации, в том числе эмоциональные нарративы: «долг» и «благодарность. Можно согласиться с общим выводом, что «несмотря на позднейшую переоценку произошедшего, коронация 1829 г. была воспринята в Царстве Польском позитивно». Но отношение русского общества к

коронации в Варшаве не нашло широкого отражения в источниках и оценки были фрагментарны. Отметив, что подавление восстания было ознаменовано серией символических жестов и декларативных заявлений с целью символического унижения Польши, но актуальной стала и стратегия, выработанная ранее — политическая риторика, развернутая в сторону умиротворения и попечения «заблудшихся» (Дис. С. 539). Важно замечание, что «Органический статут» не уничтожил коронацию монарха как польского короля, но обряд должен был совершаться в Москве в присутствии депутатов Царства Польского (Дисс. С. 542).

При всей неприязни Николая I к полякам, он по-своему пытался быть справедливым. В одном из разговоров с маркизом де Кюстином в 1839 г., отмечая, что он исполняет волю Петра I, он сказал: «Исполнять эту волю весьма непросто; всеобщая покорность заставляет Вас думать, будто у нас царит единообразие — избавьтесь от этого заблуждения; нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы различались бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в глубине, одинаковость на поверхности: единство наше только кажущееся. Вот, извольте взглянуть, неподалеку от Вас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы (казахские ханы — Л. В.), случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов...» (Кюстин А, де Россия в 1839 году. В 2 т. М., Т. 1. С. 199).

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Общий тезис, что «российская политика в Царстве Польском, ставшем частью Российской империи в 1815 г., вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий», не вызывает сомнений (Дисс. С. 546–547). Исключительно важен вывод о преемственности выстраивания российской политики в Царстве Польском в рассматриваемый период Александра I и Николая I.

Весьма ценны *приложения* к работе. Можно отметить, в частности, приложение № 5 в котором приведена выверенная по источникам хроника коронационных торжества в Варшаве.

Естественно, столь многоплановое исследование вызывает и некоторые *замечания и уточнения*.

В оглавлении диссертации «список литературы» правильнее было бы назвать «источники и литература».

У меня вызывает неприятие часто употребляемый у нас термин «архивные материалы». Насколько известно, такой термин в архивных Гостах или отсутствует или не приветствуется.

По поводу датировки манифеста Николая I с клятвой соблюдения Конституционной хартии для Польши 13 (25) декабря 1825 г.). Манифест для России официально датирован 12 (24) декабря, хотя действительно работа над ним продолжалась 13 декабря. Когда в утром в понедельник 14 декабря Николай Павлович вышел читать его перед собравшейся у Зимнего дворца петербургской публикой, печатный текст еще пах типографской краской.

А как для Польши?

В диссертации по одному из архивных фондов РГИА цитируется «Мнение русского гражданина» Н. М. Карамзина, известное и как «Записка о Польше» (прочитана Александру I 29 октября 1819 г.). Но почему не по публикации? Записка впервые была опубликована в 1862 г. и позднее переиздавалась (Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. М., 1862; Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина // Н. М. Карамзин. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 436–438). Хотя распространение записки в рукописных копиях весьма показательно.

Кстати, в записке есть и более резкие слова: «Нет, Государь, никогда Поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками [...]

В делах государственных чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Воляния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской [...] Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, *как оно есть* ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, *как она есть*, и как оставлена Вам Екатериною!»

В *историографической* части. Как уже отмечалось, в диссертации весьма полно представлена историография проблемы. Менее привлеченной оказалась литература по Финляндии. Из дореволюционной классики отсутствуют два тома М. М. Бородкина (Бородкин М. История Финляндии: Время императора Александра I. Пг., 1909; Бородкин М. История Финляндии: Время императора Николая I. Пг., 1915). Из современной литературы кандидатская диссертация С. Б. Баландина о государственно-правовом положении Финляндии (Баландин С. Б. Государственно-правовое положение княжества Финляндского в составе Российской империи. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012) и др.

Зарубежная историография весьма полна, единственно из польской литературы не учтена одна из первых монографий, посвященных Николаю I, изданная в 1965 г., монография Виктории Сливовской (Sliwowska W. *Mikolaj I i yego czasu. 1825–1855.* Warszawa, 1965. 317 с.)

В первой главе факты о насилиях поляков в Москве в 1812 г., приведенные Екатериной Михайловной, не были единичными по сравнению с эксцессами со стороны других этнических компонентов Великой армии. По воспоминаниям современников, «беспардонное поведение» в отличие от части французов, было характерно и для разных немцев (Дисс. С. 57).

Во *второй главе* «Формы политической субъектности Царства Польского (1815–1825 гг.) Екатерина Михайловна упоминает о конституционной дипломатии Александра I начиная с Польши. Необходимо уточнить, что эта деятельность после наполеоновских войн началось под

давлением императора с подтверждения Людовиком XVIII конституционной хартии от 3 июня 1815 г. Тогда же, в 1815 г., в связи с установлением конституционных норм в Польше у Александра I, по мнению С. В. Мироненко, возникла мысль о распространении их и на Россию.

Очень удачной была задумка Екатерины Михайловны сравнить статусы субъектности Царства Польского и Великого княжества Финляндского. Рассуждая о конституционной дипломатии Александра I она высказывает сомнение в традиционном представлении, что конституционный эксперимент начался с Финляндии в 1809 г. она объясняет это тем, что там в шведский период существовала шведская конституция (Дисс. С. 124 – 12). К тому же в манифестах положение Финляндии в иерархии территорий империи не артикулировалось как особое (С. 127). Вероятно, не все было так однозначно.

Исследовавшая этот вопрос Т. В. Андреева в статье 2015 г. пишет: «Также в рамках либерально-конституционной идеологии и так же как особое государственное образование по условиям Фридрихсгамского мира 5 (17) сентября 1809 г. и на основании “персональной унии” с Россией о союзнических отношениях была присоединена Финляндия. Причем, еще до окончания русско-шведской войны концепция вхождения края в состав Российской империи разрабатывалась М. М. Сперанским» (Андреева Т. В. Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг.// Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 56). В своих проектах политического устройства Финляндии, которые в общем объеме составили целый том, Сперанский сформулировал принципы взаимоотношения с Финляндией в рамках установок, что что «Финляндия есть государство, а не губерния» и подчеркнул, что Финляндское княжество имеет «особенную Государственную Конституцию» и «правовую автономию» (Там же. С.56– 57). Именно Сперанский, получивший должность управляющего Комиссией для рассмотрения финляндских дел 17 апреля 1809 г., которая с 20 июля 1810 года называлась Комиссией финляндских дел, разработал концепцию финляндской

автономии. Как отметил историк Н. К. Шильдер, под влиянием подобного взгляда, новоприобретенный край был образован в виде отдельного государства, к которому 11-го (23-го) декабря 1811 года, были присоединены не только земли, отошедшие к России по Абовскому миру 1743 года, но и завоеванная Петром I Выборгская губерния уже сто лет принадлежавшая империи (Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Том III. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. С. 7).

Имея в виду Финляндию, вызывает сомнение тезис, что политика России на территории Царства Польского «носила беспрецедентный характер в сравнении с установками, принятыми в других регионах Российской империи» Кроме того, вряд ли Царство Польское после отмены Конституционной грамоты можно было называть «свободным и независимым государством» (Дисс. С. 546–547). Как отмечают финские историки, когда Польша после Ноябрьского восстания потеряла автономию, Финляндия — ее упрочила. По мнению авторов «Политической истории Финляндии (1809–1995)» Осмо Юссила, Сеппо Хентиля и Юкка Невакиви, при Николае I национальной государственной идеей была идея многонациональной династической унии. Во всяком случае, никаких заметных конфликтов между финляндцами и русскими при Александре I и Николае I не было и финны активно поддержали Россию в годы Крымской войны. Национальная политика в это время отличалась от возобладовавшего позднее при Александре II подхода к Российской империи, как единому и неделимому государству, в которой финляндская автономия выглядела инородным телом. Впрочем, вопрос о статусе Великого княжества Финляндского отчасти и сейчас остается дискуссионным.

По поводу присоединения в 1811 г. к Великому княжеству Финляндскому «Старой Финляндии» (Выборгской губернии), входившей с петровских времен в состав Российской империи, диссертант отмечает, что это «не вызвало никакого протеста. Общественная реакция на это событие была несопоставима

с тем возмущением, которое было высказано Александру по поводу планов присоединения к Царству Польскому Литвы» (Дисс. С. 127). Последнее утверждение верно, но присоединение Выборгской губернии к Финляндии и распространение на эту территорию шведских законов, все-таки вызвало негативную реакцию у патриотической части русского общества, в частности, у будущих декабристов.

Констатируя многочисленные смешанные русско-польские браки, Елизавета Михайловна слишком уверовала в роман императрицы Елизаветы Алексеевны и Адама Чарторыйского, версию, распространенную в польской историографии (Дисс. С. 178, 403). Да слухи ходили. Но современные исследователи опровергают эту версию, считая доказанным только единственный роман императрицы с кавалергардом А. Я. Охотниковым, от связи с которым у Елизаветы Алексеевны родилась вторая рано умершая дочь Лизанька. Не случайно монография московской исследовательницы Деляры Исмаил-Заде кызы об императрице Елизавете Алексеевны, изданная в 2001 г., имеет подзаголовок «Единственный роман императрицы».

При анализе взаимоотношений Николая I и Константина Павловича есть упоминание о процессии похорон цесаревича в Петропавловском соборе 17 августа 1831 г., но оно ограничилось одной цитатой из воспоминаний А. М. Грибовского (Дисс. С. 237). Обычно в литературе отмечается, что тело цесаревича было выставлено на три дня в Петропавловском соборе, но, в связи с холерой публика не допускалась, а императорская семья не присутствовала на панихидах. Но, учитывая недовольство Николаем I поведением цесаревича, для него этот скомканный ритуал был весьма кстати.

Несколько мелких уточнений.

Одновременно и равноправно Екатерина Михайловна использует два написания окончания фамилии Николая Николаевича Новосильцова через «о» и через «е», хотя знакома с диссертацией О. А. Любезникова, в которых автор

со ссылкой на автографы доказал, что окончание «ов» (Новосильцов) является правильным.

В *четвертой главе*, цитируя камер-фурьерский журнал о поездке Николая Павловича и Александры Федоровны в одном «дорожном дормесе» в монографии и в другой транскрипции этой же цитаты «дорместе» в тексте диссертации (Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 120; Дисс. С. 313). Для читателя имело бы смысл пояснить, что «дормез (фр. *dormeuse*, от *dormir* — спать) — это дорожная карета, приспособленная для сна в пути. Не случайно дилижансы в России в народе прозвали «нележанцами»

Подводя итоги, следует признать, что *основные положения*, выносимые на защиту, можно считать доказанными. Полученные в процессе проведения исследования *результаты* могут быть использованы при подготовке учебных программ по истории России XIX в., специальных курсов, посвященных истории русско-польских отношений. Следует согласиться, что междисциплинарный характер работы позволяет использовать полученные результаты при проведении исследований как в рамках изучения истории, так и в смежных областях гуманитарного знания — культурологии, искусствоведении и филологии.

Основные результаты исследования были *апробированы* в выступлениях на 11 семинарах и конференциях, опубликованы в 35 публикациях (включая статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в Web of Science или Scopus и рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ), монографии, опубликованной в 2022 г. и в ряде польских и немецких изданиях.

В итоге следует признать, что диссертация Екатерины Михайловны Болтуновой «Царство Польское в составе Российской империи (1815–1831): стратегия управления и практики признания субъектности» является фундаментальным оригинальным исследованием, которое соответствует

паспорту научной специальности 5.6.1 — Отечественная история и соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор Екатерина Михайловна Болтунова заслуживает присуждения — ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,

кафедры истории России с древнейших времен до XX века

Института истории ФГБОУ ВО

«Санкт-Петербургский государственный университет»

Высочков Леонид Владимирович

ПОДПИСЬ РУКИ

Высочкова Л. В.

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
М. С. ЗУБОВА

16.03.2016

ел

Контактные данные:

тел.: +8-911-296-88-410, e-mail: l.vyskochkov@spbu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

Тел.: +7-812-328-20-00, e-mail: spbu@spbu.ru

16 марта 2026 г.